

=====ДИСКУССИЯ=====

ВОЗМОЖНА ЛИ МОДЕЛЬ КРЕАТИВНОСТИ БЕЗ ПСИХОЛОГИИ КРЕАТИВНОСТИ?

© 2012 г. **Т. В. Корнилова**

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

Обсуждается проблема расширения рамок исследовательских парадигм в психологии креативности. Обосновывается необходимость раскрытия тех базисных процессов, между показателями которых могут существовать корреляции. Приводятся доказательства неправомерности смешения общенаучного и частно-научного понимания принципа системности, которое позволяет создавать видимость решения психофизиологической проблемы и строить модели креативности без обращений к теориям креативности.

Ключевые слова: креативность, интеллект, психологическая теория, методология.

В последние годы проблематика креативности теряет прежние очертания, поскольку неудовлетворенность достижениями психологических теорий (они развиваются медленно) и бурный рост смежных дисциплин приводят к расширению исследовательского поля гипотез, что подчас ведет к подмене предмета изучения. Социология и культурология, когнитивная наука и психофизиология сегодня включаются в изучение креативности, используя свои методологические подходы.

Примером первого направления в расширении проблематики креативности может служить книга английских авторов К. Негус и М. Пикеринга “Креативность. Коммуникация и культурные ценности” [7]. В ней понятие креативности предстает в широком социальном контексте, включающем проблематику и инноваций, и развития культуры (культурные коды, традиции, обычаи и отступление от них), и роли авторского права в развитии и контроле творчества, и социокультурное “объяснение гения”. Объединить всё это помогает выбранная линия соотнесения индивидуального и коллективного в творчестве. И хотя английские авторы почти наверняка не знакомы со статьей М.К. Мамардашвили об общности науки и искусства в аспекте их культурогенности [6], при чтении их книги создается впечатление, что они демонстрируют именно его представления о соотношении индивидуального творчества и необходимого для него овладения надиндивидуальными системами (значений и символов).

Пример второй – включение методологии нейронаук и психофизиологии в исследования, которые используют психологические методики и понятия. При этом новый виток развития получает информационный подход, который занимает теперь место не

компьютерной метафоры, как в 60–80-е гг. прошлого века, а общенаучной методологии. В “плавильный котел” общей когнитивной науки попадают исследования разных дисциплин, причем не многие из них могут считаться именно междисциплинарными. Возрождение на ее основе комплексного подхода к изучению креативности в контексте проблемы межполушарной асимметрии демонстрирует работа **О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной** (см. “Психол. журн.”, 2012, № 4, т. 33, с. ?) [8].

Статья этих авторов представляется интересной и актуальной по ряду причин. *Во-первых*, она вполне репрезентативна для того тренда исследований, который стал мейнстримом в зарубежной когнитивной науке, обратившейся в том числе к поиску нейробиологических основ креативности. “Конвертируемость” отечественных исследований – это необходимый шаг по возвращению российской психологии в мировую науку. *Во-вторых*, названная работа представляет реализацию комплексного подхода, что также может рассматриваться как несомненное достижение, характеризующее передний край современных исследований. *В-третьих*, при ее прочтении у психолога возникает ряд вопросов о соотношении психологической теории и методологических подходов, действительно новых гипотез и гипотез редукционистских, что свидетельствует о непреходящей важности методологической рефлексии научного познания в целом [4] и изучения креативности в частности.

Рассмотрим последовательно ряд позиций и проблем, отстаиваемых О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной или не эксплицируемых ими, но возникающих у читателя, профессионально занимающегося такими предметами изучения, как мышление, интеллект и креативность. При этом будет интересно сосредоточиться именно на методологических и методических аспектах данного исследования, а не на психологической теории, поскольку, хотя авторы и повторили неоднократно, что ими разрабатывается модель креативности, вычитать ее из текста статьи не удалось. В тексте не представлены те положения психологических теорий, на развитие которых направлено представляемое в статье исследование. Мой отклик – это попытка “атеоретически” рассмотреть, как оно построено и какой вклад могут внести его результаты в психологические знания о креативности.

1. Когнитивная парадигма исследования, как она задана авторами, включила соотнесение результатов выполнения испытуемыми ряда тестов креативности и интеллекта со спецификой селекции глобальных и локальных стимулов в разных ситуациях. Стоящая за этой спецификацией исследовательской задачи проблема межполушарной асимметрии и межполушарных взаимодействий не нова, как и данные когнитивной нейронауки о преимущественной роли правого полушария в создании креативных продуктов (правополушарных кортикальных сетей). Интересным представляется именно комплексный

анализ показателей креативности и интеллекта в связи с проявляемыми (в методической процедуре Навона) особенностями внимания.

Обращение к проблеме взаимосвязи креативности и внимания интересно не только потому, что эта проблема концептуально оформлена в подходе К. Мартиндейла (идея “дефокусированного” внимания), к чему апеллируют авторы. Обзорные работы последних лет в области изучения принятия решений как выбора в условиях неопределенности, а именно в направлении *JDM (judgment and decision making)*, также обращаются к необходимости уточнения роли (функций) внимания в рассматриваемом человеком поле возможных альтернатив. В частности, считается установленным, что “внимание отвечает за большую часть различий в ответах при решениях, идущих от описания, когда принимающий решение субъект обеспечен извне релевантной информацией в цифровой или графической форме” [19, с. 56].

Признание того, что основания для предпочтения выборов скорее конструируются (более типичный вариант), чем хранятся и извлекаются [16], нацеливает на поиск связи процессов преодоления неопределенности и креативности. Соответствующие психологические гипотезы уже переводятся в ранг верифицируемых, хотя конкретных исследований пока мало (см. [3, 5 и др.]). Обобщение результатов, полученных при установлении связей между стратегиями селекции и показателями креативности, может служить, таким образом, и расширению рамок исследовательских гипотез в смежных областях, в частности в психологии принятия решений.

2. В зарубежной литературе четко выражен тренд поиска мозговых коррелятов креативности [15]. В качестве примеров здесь можно приводить и отдельные работы, устанавливающие связи результатов картирования мозговой активности с этапами, например, инсайта [16], однако при этом процессы инсайта и креативности не смешиваются, чему соответствуют и устанавливаемые различия в психофизиологических коррелятах. В переиздании учебного пособия по психологии риска и принятию решений гарвардских коллег имеются специальные главы, посвященные анализу нейробиологических основ регуляции преодоления неопределенности при выборе [14]. Таким образом, представляемые в работе О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной результаты имеют и более широкий контекст возможных обобщений: относительно связей процессов креативности, преодоления неопределенности и контроля.

Связь базальных уровней кортикального возбуждения с растормаживанием как снижением контроля (со стороны лобных долей) включена в механизмы творчества К. Мартиндейлом. Давняя идея невролога Богена о том, что для создания креативного продукта необходимы процессы, связующие работу двух полушарий, находят

подтверждение в современных нейропсихологических и электрофизиологических данных (см., например, [12]). С точки зрения получения новых подтверждений в пользу ведущей роли правого полушария, соотношение гипотез “за” и “против” вряд ли изменится в результате отдельной работы. Но вот понимание роли путей восходящих и нисходящих стратегий контроля действительно по-новому конкретизирует проблему.

И здесь авторы, как мне кажется, не увидели существенного противоречия в реализуемом ими подходе. Глобальные и локальные стратегии переработки информации, рассматриваемые в контексте межполушарной асимметрии, трактуются как устойчивые и связанные именно с перемещением фокуса активности в зависимости от задачи. То, что “левополушарные селективные процессы локального уровня оказываются более информативны в системе описания вербальной креативности, а оригинальность образов в большей степени связана со скоростью селекции информации на глобальном уровне” [8, с. ?], в статье О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной выглядит вполне надежно установленным фактом.

Но как быть с тем положением дел в психологии креативности, что: 1) ориентировки на новизну или противоречие еще недостаточно для создания творческого продукта; 2) именно гибкость характеризует креативность, а не устойчивость стратегий; 3) скоростные характеристики – не показатель креативности (включение ограничений во времени часто противопоказано выполнению тестов креативности)? Ряд вопросов может быть продолжен, но и так намечен их общий тренд – при обсуждении результатов авторам явно не хватает апелляции именно к психологическим теориям креативности, без чего полученные результаты “провисают” в интерпретационном промежутке между предполагаемыми нейронными механизмами и показателями, идентифицируемыми психологическими методиками.

Отметим в связи с этим следующие переходы к методологическим аспектам работы.

3. Авторы, видимо, считают, что анализ психологических теорий креативности для их работы был бы излишним (его в статье нет), но в результате попадают в теоретический вакуум, который не компенсируется многообразием установленных связей между конкретными измеренными переменными. Представленное обсуждение тем самым больше запутывает картину данных, хотя призвано прояснять ее¹.

Вроде бы авторы не настаивают на том, что стоят на понимании интеллекта по Г. Айзенку, но именно в его теории временные аспекты интеллектуальной продуктивности выступают ведущими. Соотнесению данных, полученных в методической схеме Навона, с

¹У меня как коллеги, разделяющей идею множественных процессов и комплексных измерений в исследованиях креативности, именно описание данных вызвало наибольший интерес. К этому так тщательно выстроенному разделу нет никаких критических замечаний.

психологическими интерпретациями статуса временных промежутков (опознания и селекции стимулов) явно не находит адресата. Упоминание теории Я.А. Пономарева в теоретической части выглядит необоснованно, поскольку он не связывал механизмы творческих решений с обсуждаемыми в работе процессами и показателями. Таким образом, авторы статьи совершают одновременно две ошибки в аргументации – ошибку “пропущенных звеньев” и ошибку “апелляции к авторитету”.

Другое противоречие в цитируемой литературе – книга Б.М. Величковского [2]. Она могла бы считаться репрезентативным источником аргументации, если бы О.М. Разумникова и А.А. Яшанина полагались на такую ведущую идею книги, как регулятивная функция метакогниций. В первую группу *метапроцедур понимания* Б.М. Величковский включает контроль [2, с. 200]. Более того, он обосновывает развитие пятиуровневой концепции Н. Бернштейна в шестиуровневую: надстраивает уровень *F* и представляет уровень метакогниций. Остается вопрос о том, как контроль в стратегиях, представляющих активность внимания, соотносится с активностью на уровне метакогниций (ведь само внимание в тех вариантах, которые задаются методической процедурой Навона, остается непосредственным, а не репрезентирует опосредствованные высшие психические функции).

О.М. Разумникова и А.А. Яшанина отдают дань автору указанной книги в том, что обоснован “биологический субстрат для каждого уровня когнитивных процессов”. Однако положение о том, что функционирование психики базируется на нейронных механизмах, является таким же общепринятым, как и невозможность связать творчество с определенной локализацией его в мозговых структурах.

В своем недавнем обзоре К. Сойер [18] показывает, что: 1) чаще всего в нейрокогнитивных исследованиях креативности активно очень большое количество зон (диффузный характер вовлеченности мозговых структур, поскольку креативность “опирается” на когнитивные навыки, которые используются в большом количестве задач, не являющихся творческими); 2) в исследованиях с использованием таких методов, как *fMRI*, *ERP*, *PET*, нет четкой картины в отношении полушарной асимметрии – при выполнении творческих заданий активируются зоны в обоих полушариях без какой-то явной полушарной дифференциации. Авторы часто упускают из виду, что в таких исследованиях результаты представлены в виде карт активации, полученных с помощью “вычитания” карт активации задания 1 и задания 2. Сойер указывает на ментальный редукционизм таких исследований, поскольку они концентрируются на “узких” процессах, и остается непонятным, как именно эти карты активации связаны с “большой картиной” креативности, понимаемой психологически. Например, известно, как действуют на нейрональном уровне зрительные системы, но функции более высокого порядка – это “сложные феномены”

(*emergent* – появляющиеся в результате взаимодействия множества различных функций, не сводимые к ним), т.е. за каждым творческим продуктом “стоят” тысячи маленьких “ментальных” событий и процессов.

Особенность подхода Б.М. Величковского состоит в том, что он дает схему, согласно которой творческое воображение предполагает множество фоновых координаций нижележащих уровней (на что авторы статьи не ссылаются, хотя это могло бы служить одной из опор в интерпретации полученных данных), а также ценностный контекст, неразрывно связанный с целевым (как будто идентификация креативных продуктов возможна вне учитываемого экспертами ценностно-смыслового контекста). Таким образом, при выверенности установленных связей не виден психологический интерпретационный пласт работы даже в отношении цитируемых О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной психологических работ (отсюда упомянутые ошибки пропущенных звеньев).

Это самое печальное следствие невнимания к методологическим основам психологических теорий – снижение интерпретационного потенциала и в целом звучания представляемой работы. Все-таки это дело не оппонентов, а самих авторов – эксплицировать в разделе “Обсуждение” преимущества своих психологических интерпретаций по сравнению с конкурирующими объяснениями. Но для психологических интерпретаций нужно обращаться к психологическим теориям. Здесь мы подходим к такой методологической проблеме, как построение психологического объяснения.

4. Классической стала постановка проблемы психологического объяснения в работах Ж. Пиаже, который обосновал редукционизм как упрощение объяснения или перевод его на уровень психофизиологических или социологических теорий [10]. Из семи рассмотренных им типов объяснения в психологии нередукционистским он считал только один – построение научной модели, которая учитывает такую характеристику субъекта познания, как его осознанные действия. Связь креативности с процессами целеобразования – не затрагиваемый авторами аспект, вне которого апелляция к психофизиологическому уровню явно смещает объяснение в сторону “классического” редукционизма.

Обсуждаемый авторами статьи “обмен информацией между полушариями” не нуждается в предположениях об осознанности или неосознанности познавательных стратегий (это даже не упоминается) и тем более – о субъекте познания (хотя кто-то должен отвечать хотя бы за перемещение фокуса активности, а тем более за создание креативного продукта). Вербальное и невербальное мышление, как указывают при обсуждении результатов авторы, обеспечивается разными стратегиями переработки информации, за которыми стоит работа разных полушарий. Это отстаиваемое положение, но никак не психологическое объяснение. Апелляция к стратегиям переработки информации – дань

компьютерной метафоре, допустимой для когнитивной науки. Но ведь авторы претендуют на создание новой психологической модели креативности — в этом аспекте ссылка на переработку информации не может служить основанием их объяснения.

В качестве альтернативы, например, можно упомянуть модель А. Дитриха [13], разработавшего благодаря достижениям когнитивной науки и нейронауки модель, в которой данные нейронауки используются для “разведения” четырех различных видов креативности по параметрам “Сфера знания” (эмоциональная–когнитивная) и “Тип обработки информации” (сознательный в контексте целенаправленности, усердности и т.д. и спонтанный)². Каждый творческий акт при этом не обязан быть чистой “манифестацией” одного из видов, которые являются элементами когнитивной регуляции креативности. Общим для различных пониманий креативности выступает необходимость оценки продукта или идеи (в контексте требования “социальной полезности”, о чем говорят Р. Стернберг и Д. Симонтон, или “новизны” в контексте субъективных новообразований – позиция О.К. Тихомирова и др.). “Комбинации идей” могут быть множественными и происходить постоянно, но селекция необходима для оценки истинного “творческого потенциала” идеи. Добавлю, что это иного типа и уровня селекция, чем та, которая связывается О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной с процедурой Навона. Кстати, тот же Сойер говорит о том, что в нейронауке как-то забыли, что креативность является сложным феноменом, и не попытались основываться на теоретических разработках понимания креативности, в результате чего сфокусировались на узко понятых и непонятно к чему отнесенных компонентах “не пойми чего” [18].

Именно в психологии мышления объяснительный потенциал компьютерной метафоры давно был развенчан; здесь я отсылаю читателя к работам О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского, стоявших на разных методологических позициях (подходах А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна), но приходивших к сходному типу построения психологического объяснения применительно к творческому мышлению (немгновенность инсайта, роль прогнозирования и разного типа предвосхищений и т.д. получали объяснение на основе предположений о субъекте мышления, строящем проблемную ситуацию).

В отношении психологов к проблеме редукционизма многое изменилось за прошедшие десятилетия. В отечественной литературе дискуссионно прозвучала статья А.В. Юревича [11], который на основе апелляции к системному подходу допустил вывод

² А. Дитрих, как и многие другие, пытается связывать мозговые структуры с компонентами креативности, при этом особая роль отводится префронтальным зонам, предполагающим (помимо включенности в инсайт) включение этапов: 1) осознания новой мысли-идеи, 2) ее репрезентацию в рабочей памяти, 3) подключение других высокоуровневых процессов для “конвертирования” комбинаций информации в “креативное нечто”.

объяснения за рамки психологического в области смежных наук (все тех же психофизиологии и социологии). Для рецензируемой работы такой выход в поле нейронаук вполне очевиден; вот только не понятна тогда судьба стоящих за методическими операционализациями психологических конструктов. И именно с конструктами в статье прослеживается “непорядок”. В первую очередь это касается термина “тип креативного мышления”. Именно в этой терминологии в статье даются выводы. Но в разделах “Методика” и “Результаты” типы креативного мышления не представлены в каких-либо критериях. Интуитивно понятно, как авторами разведены вербальная и невербальная креативность. Не понятно, на каком основании креативность приравнена к типам творческого мышления.

5. Креативность как способность (по аналогии с интеллектом как общей когнитивной способностью или их совокупностью) в психологии понимается как потенциал, чаще всего измеряемый по результату – созданному креативному продукту. При этом экспертами в использованных О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной тестах оценивался именно продукт, а не креативные процессы. Последние идентифицируются по выраженности новообразований в актуалгенезе мышления; “креативный” же по результату продукт может быть создан и при развертывании непродуктивных стратегий. Например, косвенно об этом говорят результаты исследования [17], авторы которого, *во-первых*, обосновали модель связи креативности с исполнительным компонентом флюидного интеллекта (“переключение” как гибкость и “кластеризация” как беглость, но не просто “количество ответов вообще”, а средний размер кластера ответов в каждой категории). *Во-вторых*, они показали, что люди с высоким уровнем интеллекта лучше решали творческие задачи по заданной стратегии, что предполагает размывание границ между дивергентными и конвергентными способностями или вообще “включением” креативности как процесса.

Пропустив в постановке проблемы и анализе результатов психологические теории, в рамках которых разводятся креативное мышление и креативность как способность, О.М. Разумникова и А.А. Яшанина пришли к отождествлению понятий и пропуску наработок в психологии креативности, которые могли бы помочь в идентификации тех процессуальных составляющих, с которыми, возможно, связано преобладание тех или иных стратегий селекции признаков.

Это общая проблема для психологов, использующих тесты креативности (и интеллекта), – обоснование того, какие процессы или механизмы стоят за используемыми конструктами. Гипотезостроение – необходимый этап научной работы (наиболее творческий, по К. Попперу). Он ненормативен, догадку нельзя ожидать тогда, когда она нужна. Но без этого этапа переход от результатов исследования к психологическим теориям

невозможен. Я являюсь сторонником очень осторожного теоретизирования. Но, как показывает дискутируемая работа, авторы “новой модели креативности” утверждают своей работой, что можно идти и еще дальше – вообще не привлекать психологических гипотез и интерпретаций, ограничившись операционализацией переменных и установлением связей между ними.

6. Итак, вопрос, на какую же психологическую теорию “работают” полученные авторами рассматриваемой статьи результаты, остается без ответа. Апелляция к мозговому субстрату – тоже не объяснительная позиция, с ней согласятся немногие психологи. Например, несомненно уважаемый методолог и психолог И.И. Ильясов³ при апробации одной из работ выступил против включения в диссертационную работу коллеги фото с результатами картирования мозга при разных стратегиях обучения. Он перефразировал аргумент Сартра относительно того, что для психологического анализа должно быть безразлично, “состоит ли мозг из ваты или нейронов” (и значит, конкретизации зон активации мозговой активности ничего не могут прояснить). Эта, казалось бы, антиредукционистская позиция по-своему “снимает” вопрос о психофизиологической проблеме. Она может быть противопоставлена именно как крайняя антитеза той методологической позиции, которая занята авторами рассматриваемой статьи.

Методологическую платформу О.М. Разумникова и А.А. Яшанина видят в положениях системной психофизиологии, согласно которым «решение психофизиологической проблемы состоит в том, что “психическое” и “физиологическое” являются различными аспектами описания единых общемозговых системных процессов» [1, с. 94].

Здесь важны два аспекта. Первый: предполагаемая (кажущаяся) решенность психофизиологической проблемы. Отметим, что решение состоявшимся видят именно биологи и психофизиологи. Те же, кто занят иным предметом изучения – психологической реальностью – не могут считать ее таковой. В психологические объяснения, с моей точки зрения, входят другие постановки проблемы, конструкты и гипотезы, чем при анализе психофизиологических коррелятов познания. Поиск коррелятов очень важен, но он очень часто остается только им – поиском “коррелятов”, а не обоснованием путей, которыми человек приходит к творческому продукту.

Подобный подход – попытка изменения предмета психологических исследований на пути перехода к объективированным психофизиологическим показателям – уже звучал на печально знаменитой Павловской сессии. Благодаря работе Б.М. Теплова [9] психология отстояла право использовать свои методы и термины (подумал, вспомнил, почувствовал), а

³ Это не “ошибка авторитета”, а представление позиции, с которой я, как и многие, также могу не согласиться (ошибка заключалась бы в подмене аргумента апелляцией к известной фамилии).

не психофизиологические⁴, при изучении субъективной (психологической) реальности. В работе О.М. Разумниковой и А.А. Яшаниной приводятся психологические показатели, чем она и интересна; но заявленная позиция – компьютерной метафоры и системного подхода как якобы снимающих психофизиологическую проблему – должна быть квалифицирована именно как редукционистская, поскольку идет “в обход” психологии креативности.

Второй аспект: апелляция к принципу системности. Этот принцип действительно успешно освоен в ряде психологических направлений (правда, в специфических представлениях о сути структур, элементов и системообразующих факторов в разных психологических теориях). Но важно, как именно конкретизируется системная организация явления или процесса. Выдержка из дискутируемой статьи: “результат выполнения экспериментальных заданий (понимается) как системообразующий фактор в интеграции комплекса когнитивных компонентов разного уровня”. Это может служить подтверждением максимы, что “дьявол скрыт в мелочах”. Авторами сопоставляются стратегии переработки информации, а системообразующий фактор – результат. Опять не эксплицированное ими противоречие⁵. И в данном случае – при реализуемой в статье методологии – оно как бы оправдано: без опоры на психологические представления о различиях в креативных процессах и креативных продуктах продукт и процесс становятся синонимами.

Это действительная редукция. И по поводу ее преодоления вспоминается уже не библейское высказывание, а заключение к миниатюре у нашего современника Жванецкого: “Тщательнее нужно, ребята!”. Если работа обращена психологическому сообществу, то необходимо приложение усилий по установлению не только корреляций, но и содержательных звеньев, эксплицирующих их психологическое понимание.

7. В заключение хочется отметить методические “мелочи”.

В тестах креативности действительно часто используются экспертные оценки по таким критериям, как оригинальность, беглость, гибкость и проч. С одной стороны, это уже “общие места” для работ разной направленности. С другой – у работающих с этими критериями авторов разработаны четкие рекомендации, отличающиеся в разных научных школах и применительно к разным методикам.

В данной работе в одной из методик для измерения вербальной креативности испытуемым предлагалось составить осмысленные предложения с применением трех существительных из отдаленных семантических категорий (использовались триады слов).

⁴ Но прошло более полувека, и те, кого минула ноша знаний по истории психологии, вновь обращаются к психофизиологическому редукционизму (и таковой с легкой руки психофизиологов становится аналогом критерия научности в психологическом сообществе).

⁵ Это не было бы противоречием, если бы рассматривалась теория вюрцбургской школы, предполагающей детерминирующую роль задачи; но вроде бы апелляции к этой теории мышления у авторов не прослеживается.

Но когда авторы статьи пишут о том, что для измерения вербальной креативности ими – применительно к процедуре составления предложений – использовались экспертные оценки, а для обоснования психометрических свойств методики приводится только альфа Кронбаха, то читателю непонятно, что же все-таки оценивали эксперты. Методика невоспроизводима по ее описанию; поскольку она не представлена в ведущих журналах, а дана только в авторском издании (недоступном вне родного города авторов), то остается только поверить на слово, что она репрезентативна, надежна и валидна. Этой ссылки “на веру” недостаточно для публикации данных на основе такой “закрытой” методики в научном журнале, что должны понимать следующие потенциальные авторы. Этот упрек принимаю и я наряду с другими авторами, которые в силу задаваемой ограниченности числа знаков в статьях также иногда представляют методики в закрытом для читателя виде. Но указанная неполнота описания возможна лишь для методик, опубликованных в центральных (доступных всем) профессиональных изданиях.

Возвращаясь к вопросу о предполагаемой психологической модели, отметим, что хотя авторы ее не раскрывают, но называют ряд принимаемых допущений, например: опросы испытуемых свидетельствовали о том, что они обладали “достаточной мотивацией, и при выполнении однотипных заданий у них формируются устойчивые ментальные стратегии” [8]. Не сомневаясь в правдивости испытуемых (согласимся с тезисом о мотивации), зададимся вопросом о том, в какой степени психолог может перекладывать на них (работая с данными самоотчетов) экспликацию изучаемых механизмов креативности. Допустим, авторы работы взяли на веру положение об устойчивости ментальных стратегий. Но как специалисты в области психологии креативности (каковыми испытуемые не являются) они должны были бы учесть основное звено стратегий при креативных процессах – характеристики гибкости и выраженности новообразований. Это напрямую противоречит указанной характеристике “устойчивости” в самоотчетах.

Самоотчеты, как это было специально обсуждено С.Л. Рубинштейном и Б.М. Тепловым, дают материал для размышлений, а не выступают средствами верификации положений теории или модели. Это как раз и представляет исследовательский интерес – почему вдруг испытуемые, которые, как показали авторы, демонстрировали креативность, рассматривали свои стратегии в качестве “устойчивых”. В использованных тестах креативности их стратегии характеризовались беглостью, необычностью и другими характеристиками.

Итак, в отсутствие теоретической разработки предполагаемой модели креативности читателю приходится разбираться во всех указанных методологических и методических аспектах, чтобы понять, что же нового узнал он о креативности. Сходные вопросы могут

быть заданы и относительно включаемых представлений об интеллекте. Дело в том, что в приводимых схемах регрессионного анализа переменные интеллекта выступают в тех же позициях предикторов креативности, что и проявленные свойства внимания. Эта рядоположенность в формальной статистической модели явно разноуровневых компонентов психологических процессов не обсуждается авторами; это понятно, поскольку их волнует лево- или правополушарная отнесенность селекции стимулов, а не процессуальная представленность креативных компонентов в стратегиях. В целом вопросы о структурных или динамических связях в процессах применительно к изучаемой психологической реальности не ставятся. Поэтому отношение к изложенным результатам остается двойственным: с одной стороны, их многогранность впечатляет, что вызывает глубокое уважение к исследовательскому коллективу, с другой – остается не раскрытым именно психологический контекст установленных связей. Результаты в статье обладают тем “характером требования” (по К. Левину), что он настоятельно “просится” в их интерпретацию.

Блеск и нищета информационного подхода – вот то общее метафорическое резюме, которое могло бы быть сделано по прочтении предложенной статьи. Взятый на вооружение системный принцип работает в ней при постановке задач именно как общенаучная методология (здесь мною имеются в виду уровневые представления Э. Юдина). Но в конкретно-научной методологии он не реализован: не рассматриваются психологические основания устанавливаемых связей. И в результате в целом достигнутая цель демонстрации различий право- и левополушарной переработки информации именно применительно к пониманию психологии креативности и интеллекта мало что добавляет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Ю.И., Шевченко Д.Г.* Научная школа “Системная психофизиология” // Психологический журнал. 2004. № 6. С. 94–100.
2. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Изд. центр “Академия”, 2006. Т. 2.
3. *Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 3–13.
4. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2011.
5. *Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. и др.* Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.
6. *Мамардашвили М.К.* Наука и культура // Как я понимаю философию. М., 1992.

7. *Негус К., Пикеринг М.* Креативность. Коммуникация и культурные ценности. Х.: Гуманитарный центр, 2011.
8. *Разумникова О.М., Яшанина А.А.* Соотношение межполушарной специализации с креативностью и интеллектом // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С.
9. *Теплов Б. М.* Об объективном методе в психологии: Избранные труды. М., 1985. Т. 2.
10. *Фресс П., Пиаже Ж. (ред).* Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. I–II.
11. *Юревич А.В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
12. *Aghababayan A.R., Grigoryan V.G., Stepanyan A.Y., Arutyunyan N.D., Stepanyan L.S.* EEG reactions during creative activity // Human Physiology. 2007. No. 33. P. 252–253.
13. *Dietrich A.* The cognitive neuroscience of creativity // Psychonomic Bulletin & Review, 2004. V. 11. No. 6. P. 1011–1026.
14. *Hastie R., Dawes R.M.* Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making (2nd ed). Los Angeles, London, N.Y., Singapore, Washington, DC: SAGE, 2010.
15. *Kaufman A.B., Kornilov S.A., Bristol A.S., Tan M., Grigorenko E.L.* The Neurobiological Foundations of Creative Cognition // Cambridge Handbook of Creativity / Eds. J.C. Kaufman, R.J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
16. *Lichtenstein S., Slovic P.* The construction of preference. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
17. *Nusbaum E.C., Silvia P.J.* Are intelligence and creativity really so different: Fluid intelligence, executive processes, and strategy use in divergent thinking // Intelligence. 2011. V. 39. No. 1. P. 36–45.
18. *Sawyer K.* The cognitive neuroscience of creativity: a critical review // Creativity Research Journal. 2011. V. 23. No. 2. P. 137–154.
19. *Weber E.U., Johnson E.J.* Mindful judgment and decision making // Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 53–86.
20. *Xing Q., Zhang J.X., Zhang Zh.* Event-Related Potential Effects Associated with Insight Problem Solving // Chinese Logograph Task Psychology. 2012. V. 3. No. 1. P. 65–69. (<http://www.SciRP.org/journal/psych>) DOI:10.4236/psych.2012.31011.